

XVI Всесоюзный кинофестиваль в Ленинграде

Знамение времени

ДЕВЯТЬ ВОПРОСОВ УЧАСТНИКАМ ПРАЗДНИКА

Пестры и быстротечны фестивальные будни — быстро течны еще и потому, что каждый день на фестивале вмещает в себя массу встреч, впечатлений, а все вместе они представляют нам картину жизни нашего кино за целый год. Трудно выделить пока что-то главное, основное — итог просмотренного станет известен лишь к концу киномарафона. А пока несколько вопросов к участникам фестиваля. Мы стремились, чтобы разговор касался разных жан-

ров киноискусства, разных профессий, разных поколений кинематографистов. Какие-то имена вам очень хорошо знакомы, какие-то — меньше. Некоторые конкурсные фильмы вы уже видели, они широко прошли по экранам, другие скоро увидите. А сегодня о них и о том, чего все мы ожидаем от фестиваля, рассказывают артисты, режиссеры, операторы, драматурги.

— Чем привлекательны для вас всевозможные кинофестивали? — спросили мы народную артистку СССР Нону Мордюкову.

— Прежде всего возможностью много общаться со многими людьми. Я имею в виду и зрителей, которые приходят на фестивальные просмотры, и мероприятия, и своих коллег, с которыми актерская жизнь не сводит по долгу, а то и не сводила вообще. Фестиваль — праздник общения, праздник узнавания нового в кино и о жизни людей.

Разумеется, актеру приятно, когда фильм с его участием включен в конкурсную программу и претендует на приз. И конечно, каждый в глубине души надеется, что жюри заметит и его работу. Но главное, чтобы зрители заметили, те, для кого мы трудимся на съемочной площадке.

В фильме «Вокзал для двоих», включенном в конкурсную программу, я приняла самое скромное участие, сыграла лишь маленький эпизод. Поэтому и представлять этот фильм не мне.

В Ленинград я приеду вместе с моими друзьями и коллегами — участниками известного на всю страну представления «Товарищ Ки-

но». Предстоит несколько выступлений перед взыскательной публикой города на Неве, и я жду их с радостью и волнением, как и весь наш коллектив под руководством главного режиссера программы Юрия Левицкого. Хочу надеяться, что наши выступления станут достойной частью торжественного и веселого, многоликого и многоцветного праздника кино.

— Какой из фестивалей запомнился вам больше всего? — Нам отвечает народная артистка РСФСР Наталья Фатеева:

— Безусловно, последний, который был в Таллине. Я была удостоена высокой чести быть членом жюри. И дело даже не только в почете, но в редкой возможности посмотреть множество фильмов, которые очень часто проходят мимо. Ведь и актеру, приезжающему на фестиваль, сделать это не просто: актеры здесь труженики, они с утра до вечера заняты, как правило, встречами со зрителями. Не могу не заметить, что работа члена жюри — это еще и счастливый случай общаться с очень интересными людьми, режиссерами, критиками, драматургами, композиторами. За десять дней ты буквально «напیتی-ваешься», как губка, массой

разнообразнейших встреч, впечатлений, разговоров. Одним словом, быть членом жюри — это очень трудно и очень интересно.

— Как возник у вас замысел ленты «Каракумы, 45 в тени»? — вопрос заслуженному деятелю искусств Туркменской ССР Ходжакули Нарлиеву, постановщику фильма.

— Возник тогда, когда я увидел уникальную съемку взрыва, с помощью которого ликвидировали пожар на газовом месторождении. Эта съемка произвела на меня такое колоссальное впечатление, что я решил — именно это событие и должно лечь в основу будущего фильма. Пришлось много искать и придумывать, чтобы убедительно развернуть на экране именно драматургию события. Сама жизнь становилась героем фильма. В нашей картине огромный пожар, возникший на газовом месторождении и медленно, но неукротимо расползающийся по пустыне, ликвидируют с помощью бомбы. Это тоже показалось нам символическим — только мирные взрывы должны греметь на нашей земле. Ну, а о том, как мы все это снимали, рассказывать было бы слишком долго.

Хорошо, что сегодня все это уже позади, даже невозможно представить, как бы все это можно было начать сначала.

— Трудно ли было работать с шестилетним исполнителем? — такой вопрос мы задали народному артисту РСФСР Юрию Чулюкину, постановщику фильма «Не хочу быть взрослым».

— Трудно, не то слово. Ведь наш герой по фильму — не просто мальчик, он вундеркинд. Таким во всяком случае его хотели бы видеть родители. Они хотели бы, чтобы он и спортом занимался, в частности самбо, и прыгал, и плавал, и читал монолог Гамлета на английском языке. Где найти такого мальчика в шесть лет? Сначала мы искали в детских спортивных школах, и много там было крепких, хороших ребят, но ведь нам нужен был еще и актер. В конце концов мы остановились на Кирилле Серском-Головко. Он внук известной актрисы МХАТа Киры Николаевны Головки, но дело, конечно, не в этом, а в том, что он сумел отлично выразить все то, что мы и хотели сказать в своем фильме. Что именно? На этот вопрос хорошо ответила одна зрительница из города Ейска, Степанова Елизавета Федо-

ровна, приславшая нам письмо после просмотра фильма. «И пусть, — пишет она, — его (имеется в виду Кирилл) настоящие родители не делают его взрослым в 5—6 лет, это, конечно, вредно».

— Какие моменты в своей работе запомнились заслуженному артисту РСФСР Юрию Демичу?

— Момент забавный: с родным моим БДТ выступаем в глубинке, даем историческую драму, в антракте как есть в камзоле и парике а ля Людовик выбегаю в соседнюю с клубом столовую за кефиром. Подходит мужчина, долго меня разглядывает и говорит, прошу заметить, без тени юмора: «Постригся бы! Не здешний, что ли?» Считете байкой — не обижусь...

Запомнилась работа над фильмом «Надежда и опора». Фильм многое мне дал, многому научил. Я не о профессии сейчас говорю, хотя и считаю Куркова самой интересной по актерской задаче среди своих киноработ — пока, во всяком случае. Сыграть бы каждому актеру хоть раз председателя колхоза или, скажем, комбайнера, с землей близко пообщаться, почувствовать ее — полезно это, полезно...

Наш вопрос заслуженному деятелю искусств Узбекской ССР режиссеру Эльшару Ишмухамедову звучал так: «Юность — гения» — первое ваше обращение к исторической теме. Как и почему возник замысел фильма?

— Начну со второй части вопроса — «почему». Потому что имя Ибн Сины одно из самых светлых и почитаемых на земле, где я родился. Но мне трудно ответить, как именно возник замысел фильма — он тихо зрел долгие годы, постепенно приобретая осязаемые черты. Мы с моим другом сценаристом Одельшой Ариповым сразу решили, что точка зрения сплыву вверх, как на памятник, не лучшая позиция для такого рассказа — не увидишь глаз, не ощутишь чело- века. Решил и другое: не пытаться атить всю деятельность Ибн Сины — философа и медика, «стество-испытателя и математика, поэта и литературоведа. И мы сказали друг другу: расскажем об отрочестве и юности Ибн Сины. Нам увиделся образ: задумчивый мальчик, стоящий под скрещенными молниями у вод закипающей реки. Он не знает еще, что скоро жестокая судьба навсегда разлучит его с любимой Бухарой, куда вернется лишь ния его с неотделимым уже словом «великий»...

— Снимая «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты», вы впервые столкнулись с музыкальным фильмом. Что нового привнес этот жанр в вашу работу оператора? — Вопрос оператору Александру Антипенко.

— Для меня все съемки можно определить одной фразой — «в плену у музыки». Неожиданное предложение В. Грамматикова снимать произведение Пабло Пеллуси, конечно, порадовало меня. Но вот послушал пластинки с записью рок-оперы, поставленной в Московском театре Ленинского комсомола, и приуныл. Стало ясно, что вещь совершенно законченная, «сама в себе». Проникнуть в суть музыки, найти гармоничное сопряжение звука и изображения будет тяжело, а просто иллюстрировать арии, быть, как говорится, подсобным матерьялом не хотелось.

Да, иллюстрировать не хотелось. Хотелось идти параллельно, преобразовать музыкальные образы, забегать вперед. Хотелось, чтобы не только музыка и актеры, но и цвет превратился в одно из действующих лиц фильма.

Я действительно был в плену у музыки Алексея Рыбникова, как несколько лет назад в плену у поэзии, когда снимал фильм «Мольба».

Песни, которые звучат в мультфильме, поет не профессиональный хор, а настоящие украинские крестьяне. Мне посчастливилось достать фонограмму в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. Хотелось передать дух, атмосферу этого замечательного края.

ба». Тогда меня мучил вопрос, как перевести поэзию в изображение, теперь — как перевести музыку.

Насколько это удалось, судить, конечно, не нам.

— Не кажется ли вам, что комедия «Вокзал для двоих» получилась еще более серьезная, чем все предыдущие ваши работы с Э. Рязановым? — спросили мы у кинодраматурга, заслуженного деятеля искусств РСФСР Э. Брагинского.

— Если и так, то ничего странного я в этом не вижу. Время легких комедийных пустячков миновало. Уверен, что современной комедии подвластны самые важные и глубокие проблемы. Поэтому мы с самого начала хотели, чтобы фильм получился серьезным и где-то даже драматическим. Сам сюжет картины заставляет идти от реальной жизни. А ведь в ней печальное и смешное всегда бродят неподалеку друг от друга. Но если вспомнить, то и в первой нашей совместной картине «Берегись автомобиля!» много печального.

— Почему вы выбрали для своего фильма сюжет о дружбе волка и собаки? — спросили мы у режиссера-мультипликатора Эдуарда Назарова.

— Сказка совсем маленькая — несколько строк, но, как говорится, мал золотник, да дорог. Есть там такая сцена. Престарелый волк приглашен своим приятелем на хозяйскую свадьбу.

Я сразу представил себе, как это должно выглядеть на экране. Ключ к фильму был найден.

Песни, которые звучат в мультфильме, поет не профессиональный хор, а настоящие украинские крестьяне. Мне посчастливилось достать фонограмму в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. Хотелось передать дух, атмосферу этого замечательного края.